

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

А.А. Бронзов

**К вопросу о нравственной
статистике и свободе воли:
по поводу некоторых странных притязаний
детерминистов истекающего века**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1897. № 4. С. 642-677.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

КЪ ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННОЙ СТАТИСТИКѢ И СВОБОДѢ ВОЛИ. (По поводу нѣкоторыхъ странныхъ притязаній детерминистовъ истекающаго вѣка).

СВОБОДА воли вообще, въ частности — нравственная является первымъ изъ существенныхъ элементовъ нравственности. Когда рѣчь идетъ о нравственности, о нравственномъ поступаніи человѣка, то, конечно, вопросъ о свободѣ, какъ фактѣ несомнѣнномъ, долженъ быть твердо установленъ прежде всѣхъ другихъ; прежде всего должно быть обстоятельно доказано, что нравственная свобода — не призракъ, а неотъемлемая человѣческая принадлежность. Не будь свободы, не останется смысла и у нравственности, такъ какъ понятія: нравственного и вынужденного безусловно несовмѣстны.

Вся важность данного вопроса сознавалась всѣми и всегда. Но точки зренія, съ какихъ на него смотрѣли изслѣдователи, были разнообразны. Отсюда таковы же были и решенія его. Послѣднія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ главнѣйшимъ развѣтвленіямъ: преддетерминизму, детерминизму, индедетерминизму и направлению (единственно разумному), занимающему нѣкоторымъ образомъ срединное въ отношеніи къ двумъ послѣднимъ положеніямъ.

Въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ намѣренія заниматься подробнымъ разсмотрѣніемъ и оцѣнкою всѣхъ указанныхъ направлений. Мы будемъ имѣть дѣло только съ детерминистами. Изъ всѣхъ возраженій, дѣлаемыхъ ими противъ свободы воли, какъ факта несомнѣнного, мы остановимъ свое вниманіе только на одномъ, которое, являясь современнымъ, въ тоже время, по мнѣнію детерминистовъ, наи-

болѣе сильно, наиболѣе неотразимо. Разумѣемъ возраженіе, опирающееся на выводахъ и данныхъ такъ называемой нравственной статистики.

Изучая явленія физического міра, ученые замѣтили, что все здѣсь строго и неизбѣжно обусловливается опредѣленными физическими законами. Достаточно ознакомившись съ послѣдними, мы заранѣе съ безошибочностью можемъ предсказать то или иное явленіе вѣнчшаго — физического міра: напр., наступленіе солнечного или лунного затменія, наступленіе дурной погоды, появленіе кометы и проч. Разъ на-лицо известный физический законъ, слѣдствіе его дѣйствія скажется неизбѣжно и неизмѣннымъ, опредѣленнымъ образомъ. О свободѣ въ области явленій физического міра говорить немыслимо. — Въ сферѣ нравственного поступанія человѣка, — разсуждаютъ наиболѣе крайніе представители науки нравственной статистики, — повидимому, дѣло обстоитъ совершенно иначе: здѣсь, повидимому, можно говорить только о случайностяхъ, а не о какой-либо законосообразности, только о не подлежащихъ постороннему предусматриванию обнаруженияхъ человѣческой свободной воли и проч. Но, признавая подобные разсужденія и соображенія имѣющими, повидимому, безусловный смыслъ, пока дѣло ограничивается наблюденіями надъ отдельными или немногими лишь явленіями изъ нравственной жизни человѣка, мы, — продолжаютъ развивать свои мысли тѣ ученые, — должны сказать совсѣмъ иное, коль скоро будемъ имѣть дѣло съ болѣшимъ количествомъ наблюденій, съ крупными числовыми данными, получившимися въ качествѣ результата послѣднихъ. Въ этомъ случаѣ всякая мысль о какой-либо случайности въ сферѣ нравственного человѣческаго поступанія кажется, говорить данные ученые, уже странною, нелѣпою. „Представимъ себѣ“, — говорить одинъ изъ корифеевъ рассматриваемой науки — Кетлэ (Quetelet), — „очень значительного размѣра кругъ, начерченный чѣмъ-нибудь, хотя бы мѣломъ, на обширной горизонтальной плоскости. Кто рассматриваетъ на весьма близкомъ разстояніи очень малую долю этого круга (въ увеличительное стекло), тотъ увидитъ передъ собою только отдельныя частички мѣла, перепутанныя въ самыхъ странныхъ и беспорядочныхъ сочетаніяхъ, какъ бы совершиенно случайно. Но пусть зритель отдалится на нѣкоторое разстояніе: тогда онъ замѣтитъ большое число точекъ, кото-

рыя будуть уже распредѣляться съ извѣстною правильностю по дугѣ большаго или меньшаго протяженія. Но мѣрѣ дальнѣйшаго отдаленія зритель будетъ постепенно терять изъ виду отдѣльныя частички мыла и ихъ случайныя комбинаціи, пока, наконецъ, при наибольшемъ отдаленіи, его глазу не откроется закономѣрная группировка частицъ мыла въ правильную круговую линію и, слѣдовательно, не выступитъ законъ сочетанія частицъ. Если вмѣсто частицъ мыла мы представимъ себѣ маленькия одушевленныя существа, которыхъ въ предѣлахъ весьма узкой сферы могутъ двигаться произвольно, то также по мѣрѣ ихъ отдаленія намъ сдѣлаются незамѣтными ихъ произвольныя движения и совокупность послѣднихъ представить круговую линію¹). „Чѣмъ значительнѣе число наблюдавшихъ индивидуумовъ“, — говоритъ тотъ-же Кетлэ, — „тѣмъ болѣе сглаживаются индивидуальные особенности, физическія и моральныя, и тѣмъ яснѣе выступаетъ наружу рядъ общихъ причинъ, въ силу которыхъ существуетъ и сохраняется общество“²). Человѣкъ, — разсуждаетъ Кетлэ, — находится подъ дѣйствіемъ „причинъ физическихъ и нравственныхъ (зависящихъ отъ содѣйствія самого человѣка, его ума и воли)“. О первыхъ причинахъ, ихъ непреложности, неотвратимости ихъ дѣйствія, конечно, и говорить уже излишне. „Послѣднія, напротивъ, оказываются на явленія пертурбаціонное, видоизмѣняющее влияніе. Закономѣрность и правильность явленій, наблюдавшихъ въ большомъ числѣ случаевъ, объясняется влияніемъ постоянныхъ причинъ; напротивъ, отклоненія отъ закона зависятъ отъ влиянія причинъ пертурбаціонныхъ. Однако, сами эти отклоненія происходятъ въ извѣстныхъ предѣлахъ и подчиняются своего рода законамъ, которые Кетлэ называетъ законами причинъ случайныхъ“³)... Словомъ, и все нравственное поступаніе человѣка не случайно; оно можетъ быть подведено подъ тѣ или иные законы; стоять лишь изучить, отыскать послѣдніе. Таковы мысли и положенія великаго бельгійскаго статистика⁴). — Знаменитый Бокль въ своей „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“, между прочимъ, говоритъ: „въ опредѣленномъ состояніи общества

¹⁾ См. у А. Чупрова въ сочин.: „Статистика“. Москва. 1895 г. Стр. 33—34.

²⁾ См. ibid., стр. 34.

³⁾ Чупровъ; стр. 35.

⁴⁾ Ср., однако, „Основанія теоріи и техники статистики“ Л. Ходекаго (Спб. 1896 г.; стр. 18—20), могущія повести къ недоумѣніямъ и проч.

извѣстное число людей должно оканчивать свою жизнь самоубийствомъ. Это — общий законъ; специальный вопросъ, кто долженъ совершать это преступление, естественно зависить отъ особыхъ законовъ, которые, однако, въ ихъ совокупной дѣятельности должны следовать общему закону, какому все они подчинены. И сила высшаго закона — такъ непреодолима, что ни любовь къ жизни, ни страхъ предъ загробною жизнью не въ состояніи оказать и малѣйшаго влиянія на остановку его дѣятельности¹⁾). Гдѣ ужъ тутъ, — по мысли Бокля, — говорить о какой-либо человѣческой свободной волѣ, какъ существующей дѣйствительно, а не призрачно лишь?! Если одинъ человѣкъ поступаетъ нравственно — хорошо, а другой — нравственно — дурно, то виновенъ здѣсь не самъ поступающій, а въ сущности все тотъ-же „высшій“ законъ, держащій въ своемъ подчиненіи все „особенные“, частные, направляющіе собою все человѣческие поступки... — Мысли и соображенія Кетлэ и Бокля повторяются и высказываются ихъ учениками и подражателями на всякие лады и въ болѣе или менѣе крайнемъ ихъ развитіи и видоизмѣненіи. Намъ, конечно, нѣть нужды вести рѣчь объ этихъ quasi—ученыхъ: чего-либо существенно — нового у нихъ не найдемъ²⁾).

И такъ, по заявлению крайнихъ представителей нравственной статистики, послѣдняя открыла человѣчеству глаза, которыми оно увидѣло совсѣмъ не то, что дотолѣ привыкло видѣть: тамъ, гдѣ прежде казалось, что господствуетъ человѣческая свободная воля, дѣйствительнымъ хозяиномъ и распорядителемъ заявляетъ себя одинъ неумолимый законъ, одна неотвратимая необходимость. Статистика съ ея „ужасными“ и „поразительными“ (по словамъ Моля) результатами должна быть признана, по заявлению Вагнера и К°, „носительницею путеводного свѣточа“³⁾. Отсель — конецъ „измышеніямъ богослововъ и философовъ“! Вотъ — какъ гордо подняли свои головы эти лже-ученые, не желающіе смотрѣть внизъ подъ ноги, гдѣ, между тѣмъ, съ распростертыми объятіями ихъ поджидастъ глубокая бездна.

¹⁾ „Geschichte der Civilisation in England. Deutsch... von A. Ruge“; I; S. 25.

²⁾ Желающій ознакомиться съ ними можетъ достигнуть этого даже и съ помощью русскихъ сочиненій: Инеона, Федоровича, Чупрова, Ходскаго и друг.

Но, чтобъ не показаться голословными, данные представители статистики приводятъ, въ подтверждение своихъ выводовъ и заключений, повидимому, дѣйствительно, поразительныя данныя. „Во всемъ, что касается преступлений“,—заявляетъ Кетлэ,— „одни и тѣ же числа повторяются съ замѣчательнымъ постоянствомъ, даже въ такихъ преступленіяхъ, которыя, казалось-бы, менѣе всего подлежать предусмотрительности человѣка, каковы, напр., убийства, по болѣшей части совершающіяся вслѣдствіе непреднамѣренныхъ ссоръ и при обстоятельствахъ, повидимому, вполнѣ случайныхъ. По свидѣтельству опыта убийства не только совершаются ежегодно почти въ одномъ и томъ же числѣ, но и орудія для нихъ употребляются въ одинѣхъ и тѣхъ же пропорціяхъ“¹⁾. Въ частности, во Франціи было совершено „убийство вообще“: въ 1826 г.—241, въ 1827 г.—234, въ 1828 г.—227, въ 1829 г.—230, въ 1830 г.—205 и въ 1831 г.—266. Число убийствъ, совершенныхъ въ тѣ же годы съ помощью „ружья и пистолета“, таково: 56, 64, 60, 61, 57 и 88; съ помощью „ножа“: 32, 40, 34, 46, 44, 34; съ помощью „сабли и шпаги“: 15, 7, 8, 7, 12, 30; съ помощью „палки, трости и т. п.“: 23, 28, 31, 24, 12, 21; съ помощью „камня“: 20, 20, 21, 21, 11, 9; съ помощью „орудій рѣжущихъ, колющихъ, ушибающ.“: 35, 40, 42, 45, 46, 49; чрезъ „задушеніе“: 2, 5, 2, 2, 2, 4; съ помощью „удара ногой и рукой“: 28, 12, 21, 23, 17, 26; съ помощью „огня“:—1—1—; чрезъ посредство „неизв. орудій“: 17, 1, 2—2, 2; путемъ „сбрасыванія съ высоты и утопленія“: 6, 16, 6, 1, 4, 3²⁾. „Подать, платимая“ человѣкомъ „преступленію, есть подать“,—говорить Кетлэ,— „которую человѣкъ платить съ болѣшей аккуратностію, чѣмъ дань природѣ или государственной казнѣ“³⁾. Далѣе,— говорять крайніе статистики,— количество писемъ, проходящихъ чрезъ почту, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ городахъ, где были ими произведены наблюденія, и не имѣющихъ даже какого-нибудь адреса или не оплаченныхъ подобающею почтовою маркою..., будто-бы „приблизительно“ повторяется изъ годъ въ годъ — „одно и тоже“⁴⁾. Явленіе, на которое прежде никому и въ голову не

1) См. у Чупрова; стр. 34.

2) См. ibid., стр. 34—35 (примѣчан.).

3) Ibid., стр. 35.

4) „Ethik. Katechismus der Sittenlehre“. Von Friedrich Kirchner. Leipzig. 1881. S. 69.

приходило обращать вниманія, какъ на ничего не говорящее и безусловно случайное, при ближайшемъ проникновеніи въ его сущность оказывается, замѣчаются эти мыслители, изумительнымъ и краснорѣчивымъ! — Ежегодно, продолжаютъ они, въ тѣхъ мѣстностяхъ, относительно которыхъ ими дѣлались наблюденія, будто-бы въ общемъ замѣчается одно и тоже число заключаемыхъ браковъ, равно какъ и расторгаемыхъ¹⁾. „Въ бельгійскихъ городахъ“, по наблюденіямъ Кетлэ, будто-бы изъ 10000 мужчинъ, имѣющихъ 25—30 лѣтъ отъ роду, вступаютъ въ бракъ обыкновенно 884 человѣка, тогда какъ изъ такого же числа мужчинъ въ возрастѣ 30—35 лѣтъ вступаютъ въ бракъ 990 человѣкъ. Во той-же Бельгіи приходилось число разводовъ: 55 въ 1860 г. на 35112 браковъ, 56 въ 1861 г. на 33802 брака, 57 въ 1862 г. на 34146 браковъ, 65 въ 1863 г. на 35813 браковъ и 66 въ 1864 г. на 36959 браковъ. По словамъ Эттингена, въ Саксоніи на 10,000 жителей оказывалось на-лицо разведенныхъ мужчинъ: въ 1834 г.—14 (въ городахъ) и 6 (въ деревняхъ), въ 1837 г.—12 и 7, въ 1840 г.—13 и 7, въ 1843 г.—13 и 7, въ 1846 г.—13 и 7, въ 1849 г.—13 и 8; овдовѣвшихъ мужчинъ: въ 1834 г.—161 (въ город.) и 163 (въ деревн.), въ 1837 г.—149 и 164, въ 1840 г.—151 и 164, въ 1843 г.—150 и 163, въ 1846 г.—152 и 167, въ 1849 г.—154 и 172; разведенныхъ женщинъ: въ 1834 г.—24 и 10, въ 1837 г.—22 и 11, въ 1840 г.—21 и 12, въ 1843 г.—22 и 12, въ 1846 г.—24 и 11, въ 1849 г.—26 и 12; овдовѣвшихъ женщинъ: въ 1834 г.—455 и 377, въ 1837 г.—452 и 325, въ 1840 г.—452 и 384, въ 1843 г.—455 и 378, въ 1846 г.—449 и 385, въ 1849 г.—450 и 390²⁾). При этомъ, что особенно поразительно, — по словамъ крайнихъ статистиковъ, — такъ это именно то, что, напр., въ Бельгіи же за 15-лѣтній періодъ времени (съ 1841 г. по 1855 г.), наблюдавшійся Кетлэ, будто-бы „почти одинаковое число разъ“ повторялись весьма странные, между тѣмъ, и вообще, конечно, рѣдкіе, исключительные браки между молодыми мужчинами, имѣвшими меныше 30-ти лѣтъ отъ роду, и старыми женщинами, возрастъ которыхъ превышалъ 60-лѣтній. Количество дѣтей, ежегодно рождающихся, а равно и еже-

¹⁾ Ibid. S. 68.

²⁾ „Die Willensfreiheit und ihre Gegner“. Von Const. Gutberlet. Fulda. 1893. S. 71. 72.

годно умирающихъ, будто-бы въ общемъ также можетъ быть подведено къ одному, такъ сказать, знаменателю. Далѣе, какъ извѣстно, во всѣхъ странахъ нѣкоторыя лица, не желая отбывать воинской повинности, всячески уродуютъ себя: одни искусственно сокращаютъ объемъ груди, другія портятъ себѣ зрѣніе, иные уродуютъ какія-либо другія части своего тѣла. Кетлэ обратилъ свое вниманіе на подобного рода лицъ, встрѣчавшихся во Франціи въ теченіи трехъ лѣтъ и, въ частности, уродовавшихъ свои пальцы, при чемъ, говоритъ онъ, оказалось удивительное численное однообразіе! Количество этихъ лицъ въ 1831 г. простиравось до 752, въ 1832 г.—до 747 и въ 1833 г.—до 743-хъ. Обращаютъ вниманіе данные статистики и на случаи ежегодно повторяющихся самоубійствъ и на виды ихъ (т. е., на самоубійства съ помощью веревки, яда ножа, угара, воды, револьвера...), при чемъ также и здѣсь находятъ подтвержденіе своихъ взглядовъ: числовыя данныя, по ихъ словамъ, будто-бы и здѣсь носятъ подобный же характеръ, какъ и въ случаяхъ вышеуказанныхъ. Напр., называются даже одинъ городъ, въ которомъ будто-бы каждый годъ совершается ни больше, ни менѣе, какъ именно „7 самоубійствъ“, и т. д. и т. д.¹⁾.—Считаемъ излишнимъ приводить еще другіе примѣры, какими думаютъ подкрѣпить себя крайніе представители нравственной статистики, въ данномъ случаѣ считающіе себя неуязвимыми: и приведенные достаточно характерны, а не приведенные не прибавили-бы къ существу дѣла ничего новаго.

Указанныя и подобныя имъ данныя, сть какими выступаютъ рассматриваемые статистики, на первый взглядъ дѣйствительно изумительны, дѣйствительно заставляютъ всякаго призадуматься. Но такъ-ли обстоитъ дѣло и не на первый только взглядъ, а со стороны внутренняго своего существа? Дѣйствительно-ли „человѣкъ”—только безвольное колеско въ ог-

¹⁾ См. объ этомъ и о многочисленныхъ иныхъ подробностяхъ дѣла и примѣрахъ всякаго рода: у Kirchner'a (S. 69), у Gütberlet'a (цитов. сочин.), у Drolisch'a (Die moralische Statistik und die menschliche Willensfreiheit: Leipzig. 1867), въ особенности же у Oettingen'a (Die Moralstatistik und die christliche Sittenlehre; Erster Theil: Die Moralstatistik; Erste Hälften: Geschichtliches und methodologisches; Erlangen; 1868. Zweite Hälften: Analyse der moralstatistischen Daten; 1869) и многихъ другихъ (изъ русскихъ сочиненій см. особенно труды „Яисона“: „Направленія въ научной обработкѣ нравственной статистики, вып. 1-й; Спб.; 1871 г. и другие).

ромной машинѣ механизма природы, который съ необходимостью гонить его прямо" къ извѣстной именно цѣли? ¹⁾).

На эти вопросы должно дать отрицательный отвѣтъ.

Приступая къ оцѣнкѣ тѣхъ выводовъ, какіе дѣлаются крайними представителями статистики на основаніи предлагаемыхъ послѣднею числовыхъ данныхъ, мы считаемъ нужнымъ оговориться, что всѣ эти данные будемъ признавать истинными, соответствующими дѣйствительности, а не вымыщенными, вообще не фальшивыми въ какомъ-либо отношеніи. Это будетъ уступка съ нашей стороны, — уступка необходимая, такъ-какъ дѣло провѣрки тѣхъ данныхъ для настъ (какъ и для всякаго другого), конечно, безусловно немыслимо. Иначе мы не отказались-бы отъ этой провѣрки, имѣя въ виду слѣдующее обстоятельство. Насколько мы знаемъ, наша отечественная статистика ведется нерѣдко лицами, не сознающими ея значенія и потому (а иногда и по другимъ причинамъ) относящимися къ дѣлу съ недостойнымъ равнодушіемъ и даже небрежностью. Не разъ намъ приходилось видѣть, какъ сельскіе волостные писаря переписывали статистическія данные изъ года въ годъ, или не дѣлая въ нихъ никакихъ измѣненій, или дѣлая измѣненія „отъ разума“, чтобы только показать ближайшему начальству свое яко-бы дѣйствительное усердіе къ дѣлу. Переписчики церковныхъ метрическихъ книгъ, какъ мы не разъ видѣли, иногда механически писали въ числѣ живыхъ такихъ лицъ, которыхъ давно уже умерли; механически же иногда въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ подърядъ ставили противъ извѣстныхъ имень всѣ однѣ и тѣ же цифры, долженствовавшия обозначать возрастъ носящихъ эти имена лицъ... Впрочемъ, зачѣмъ еще даѣте указывать на особенности отношенія нашихъ сельскихъ (о городскихъ мы меньше знаемъ и потому молчимъ о нихъ) статистиковъ къ своимъ обязанностямъ, когда намъ извѣстны такіе, напр. (не единичные), факты: одинъ псаломщикъ, на обязанности которого въ свое время лежало „вести“ метрическія книги, позабыть отмѣтить въ нихъ о рождениі, крещеніи и пр. своего собственнаго сына и спохватился (невольно) тогда лишь, когда наступило время отправлять его въ Духовное Училище, и т. д?... И вотъ такого-то рода данные присылаются изъ различныхъ уголковъ въ извѣстныя центральныя учрежденія, гдѣ затѣмъ

¹⁾ Kirchner; ibid.; S. 69.

статистики съ глубокомыслеемъ дѣлаютъ изъ нихъ „ужасные“, какъ они говорятъ, выводы! Нѣть ничего удивительного, что иногда данныя одного года касательно того или иного пункта до буквальности могутъ совпастъ и совпадаютъ съ данными непосредственно слѣдующаго за тѣмъ года. Конечно, западная статистика ведется болѣе просвѣщенными лицами и отличается болѣею точностью, но сказанное относительно нашей въ извѣстной мѣрѣ все-же приложимо и къ той.—Но, впрочемъ, оставляемъ данный вопросъ въ сторонѣ: признавая статистическую данныя, выставляемыя крайними статистиками, вполнѣ точными и вѣрными, мы все-же ни-мало не расположены принять дѣлаемыхъ этими учеными выводовъ по отношенію къ вопросу о человѣческой свободѣ, ими отрицающей.

Противники крайнихъ поклонниковъ статистики прежде всего весьма резонно отмѣчаютъ то обстоятельство, что данная наука, въ частности, статистика нравственная — совсѣмъ еще молода, что принципы ея еще не установлены болѣе или менѣе окончательно, не пропрѣены относительно строго, а тѣмъ болѣе—безусловно строго. Правда, начало нравственной статистикѣ положено давно: еще въ 1741 г. нѣмецкимъ пасторомъ Зюссмилхомъ, авторомъ книги: „Божественный порядокъ въ измѣненіяхъ человѣческаго рода“... (*Süssmilch: „Die göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts an der Geburt, dem Tode und der Fortpflanzung desselben“*). Но опытъ Зюссмилха остался одинокимъ, строго говоря, до временъ Кетлэ, изъ сочиненій котораго для нась имѣютъ особенное значеніе слѣдующія: „О человѣкѣ и развитіи его способностей, или опытъ соціальной физики“ (*Quetelet: «Sur l'homme et le développement des ses facultés, ou Essai de Physique sociale»; 1835 г. 2-е изд. отъ 1869 г.: «Physique sociale»*), „Письма о теоріи вѣроятностей въ примененіи къ наукамъ—нравственнымъ и политическимъ“ (*«Lettres sur la théorie des probabilités, appliquée aux sciences morales et politiques»; 1846 г.*), „О соціальной системѣ и законахъ, которые ею управляютъ“ (*„Du système sociale et des lois, qui le régissent“; 1848 г.*), „Антрапометрія“... (*„Antropometrie ou mesure des différentes facultés de l'homme“; 1870 г.*) и друг. Въ первомъ изъ своихъ сочиненій Кетлэ прямо заявляетъ: „до сихъ поръ почти не занимались изученіемъ прогрессивнаго развитія человѣка морального и интеллектуальнаго“.

наго, не изслѣдовали, какимъ вліяніемъ подвергается онъ въ каждомъ возрастѣ со стороны человѣка физического, равно какъ, какое вліяніе оказываетъ самъ онъ на человѣка физического. Этотъ предметъ научныхъ изслѣдований оставался до сихъ поръ, можно сказать, нетронутымъ¹⁾). Отсюда неудивительно, если ученые говорятъ о Кетлѣ, что собственно онъ лишь „создалъ такъ называемую моральную статистику“,²⁾ тѣмъ болѣе, что „труды Зюссмилльхъ“ къ эпохѣ Кетлѣ были уже „забыты“.³⁾ Но и о значеніи трудовъ самого Кетлѣ для нравственной статистики нужно говорить съ большою осторожностью. Замѣчательнѣйшій русскій статистикъ Ю. Янсонъ (ум. въ 1893 г.) въ своемъ ученомъ изслѣдованіи: „Направленія въ научной обработкѣ нравственной статистики (Введеніе въ сравнительную нравственную статистику. Выпускъ первый: Кетлѣ—Вагнеръ. Дюфо—Герри. СПБ. 1871 г.)“, подвергнувъ положенія Кетлѣ обстоятельной оцѣнкѣ⁴⁾), говорить: „всѣ основанія, принятія Кетлѣ, для математического измѣренія нравственныхъ свойствъ, для вывода формулъ энергіи причинъ, не выдерживаютъ строгой критики“⁵⁾. Не желая быть многословными, не приводимъ частныхъ соображеній Янсона, отсылая желающихъ ознакомиться съ ними къ указанной нами его книгѣ. Для насъ важно было отмѣтить положеніе, что и трудами Кетлѣ дѣло развитія нравственной статистики не далеко подвинулось впередъ. Но можетъ быть, оно успѣло подвинуться въ дальнѣйшее время? Чего не удалось сдѣлать Кетлѣ, то, быть можетъ, сдѣлано его продолжателями? Къ сожалѣнію, на эти вопросы приходится отвѣтить лишь отрицательно. Тотъ же Ю. Янсонъ въ другомъ своемъ труде: „Теорія статистики“ (СПБ. 1891 г.) опредѣленно заявляетъ: „послѣ Кетлѣ творческая дѣятельность въ области статистики, можно сказать, остановилась. Вместо разрѣшенія разныхъ отвлеченныхъ вопросовъ... ученые принялись за разработку ежедневно накопляющагося и огромнаго статистического материала... Скоро-ли завершится она, скоро-ли явится тотъ геніальный умъ, который будетъ въ состояніи обнять однимъ взглѣдомъ всю массу фактовъ...,—не наше

¹⁾ См. у Чупрова: стр. 32.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Янсонъ; стр. 121—134; см. и друг. стр. въ данной книгѣ.

⁵⁾ Ibid; стр. 134.

дѣло: пока удѣль статистики — приготовленіе матеріала..., расширеніе наблюденій... Понятно, почему разработка теоріи статистики остановилась... Изъ всѣхъ статистиковъ, послѣ Кетлэ писавшихъ о методѣ или предметѣ и задачахъ науки, большинство повторяетъ Кетлэ¹⁾ и т. д.¹⁾. А разъ статистика еще слишкомъ юна, разъ она еще не утвердилась болѣе или менѣе прочно, уже по этой одной причинѣ представителямъ ея, т. е., статистики, надлежить, во-первыхъ, не брать на себя пока рѣшенія важныхъ (въ родѣ вопроса о свободѣ человѣческой воли) вопросовъ, а во-вторыхъ, и при разсмотрѣніи другихъ вопросовъ вести себя съ возможною сдержанностью. Все это сознаютъ, впрочемъ, и наиболѣе откровенные изъ ереды самихъ же статистиковъ и, при томъ, не какіе-нибудь незначительные только adeptы данной науки, голосъ которыхъ, конечно, былъ бы малоѣнцемъ, но даже и столпы ея. Извѣстный берлинскій статистикъ Адольфъ Вагнеръ, по мнѣнію котораго, „нѣть различія между законами міра физическаго и міра нравственнаго: оба подчинены одинаково законамъ необходимости”...²⁾, тѣмъ не менѣе, смѣренно заявляетъ: „до сихъ порь была возможность дѣлать объектомъ изслѣдованія только обнаруженія отрицательной нравственности”³⁾. Съ одной стороны, хвастливое обѣщаніе „сжечь море”, а съ другой, сознаніе полной своей немощи! Не безъизвѣстный германскій же статистикъ Ваппзустъ „добропожелательно сознается”, что „нравственная область разработывалась доселъ статистиками лишь поверхностно или же прямо исключалась изъ статистики, потому что считалось невозможнымъ проявленія духа и страстей подчинять исчислению. Даже уголовная статистика представляетъ доселъ мало годнаго матеріала и страдаетъ шаткостью въ понятіи о преступленіи”⁴⁾. Подобнымъ же образомъ сознаются и некоторые другие представители статистической науки.

При такихъ обстоятельствахъ представляется просто страннымъ чье бы то ни было намѣреніе обращаться къ стати-

¹⁾ Въ указ. сочин. Янсона: стр. 32.— Сравн., между прочимъ, у Чупрова: стр. 38.

²⁾ См. у Янсона въ „Теоріи статистики”; стр. 38.

³⁾ Tüb. Zeitschr. f. Staatwissenschaft. 1865. Heft 2. S. 276. 274. Чит. также „Die Gesetzmässigkeit in den scheinbar willkürlichen menschlichen Handlungen von Standpunkte der Statistik”. 1864. Bd. 1. S. 10 и др.

⁴⁾ „Труды Кіев. Д. Акад.” 1871. Октябрь; стр. 86.

стикѣ за рѣшеніемъ вопроса о нравственной свободѣ человѣка: статистической „факель“ можетъ завести въ непроглядную глупость; „статистика—слишкомъ молода“, говоритъ Кирхнеръ, „чтобъ ея числа могли доказывать“ что-либо¹⁾). Различаютъ, такъ сказать, три периода роста статистики: первый—„низшій“, когда все дѣло ограничиваются лишь „наблюденіемъ и исчислениемъ“,—второй, когда имѣетъ мѣсто уже „цѣлесообразная группировка фактовъ съ цѣлію нумерического сравненія ихъ другъ съ другомъ, будеть ли то во временномъ, или пространственномъ, или предметномъ отношеніи“, и, наконецъ, третій—„высшій“, когда „на основаніи законовъ, найденныхъ на второй ступени, заключаются къ причинной связи явленій“²⁾). Если мы припомнимъ вышеизложенія слова Ю. Янсона о томъ, что „пока удастся статистики—приготовленіе матеріала“ и проч., то безъ труда поймемъ, что статистика еще не вступила въ третій периодъ своего развитія и что она, слѣдовательно, еще не можетъ быть признана „наукою совершенною“³⁾.

Отмѣтивъ, что разматриваемая наука еще „слишкомъ молода“ для горделиваго рѣшенія затрагиваемыхъ ею важныхъ, между тѣмъ, вопросовъ, защитники человѣческой свободной воли идутъ дальше: изображаютъ статистику въ односторонности ея точки зренія, съ какой она созерцає подлежащую ея наблюденіямъ и изученію область. Эта односторонность проявляется во многихъ отношеніяхъ и поэтому кажется удивительной.

Прежде всего, надлежитъ обратить вниманіе на слѣдующее явленіе. Какъ подмѣчено учеными изслѣдователями⁴⁾, въ каждомъ человѣческомъ поступкѣ имѣютъ существенное значеніе слѣдующихъ четыре главныхъ фактора: „цѣль“, какая обязательно имѣется въ виду приступающимъ къ дѣятельности человѣкомъ, „мотивъ“ или „ побужденіе“, направляющіе субъекта именно къ известного рода поступанію, „желаніе“ или „хотѣніе“ человѣка, откликающееся на призывъ об стороны побужденій и проч., и, наконецъ, самое „осуществленіе“ поступка, „совершеніе“ его. Если мы намѣрены размотр-

¹⁾ „Katechismus“... S. 70.

²⁾ Gutberlet: S. 43.

³⁾ Gutberlet: S. 43.

⁴⁾ Kirchner: „Katechismus“...: S. 44 и слѣд. (§ 9).—S. 70.

рѣть тотъ или иной человѣческій поступокъ всесторонне, при каковомъ условіи только и можно говорить о правильности его оцѣнки, то, разумѣется, не должны игнорировать ни-одного изъ указанныхъ нами факторовъ. При этомъ, первые три изъ нихъ естественно должны быть признаны наиболѣе важными, чѣмъ послѣдній: этотъ самъ по себѣ слишкомъ мало можетъ говорить о внутреннемъ существѣ поступка. Все это, конечно, понятно и не требуетъ особыхъ поясненій.—Что же дѣлаетъ статистика? Три первыхъ, три самыхъ существенныхъ, какъ сказано, фактора ею игнорируются и по той очевидной всякому причинѣ, что они лежать въ сферѣ, доступной ея наблюденіямъ. Статистикою отмѣчается только послѣдній факторъ, только одно исполненіе поступка. Дѣйствительно, все это вполнѣ естественно въ положеніи статистика. Весь центръ усилий статистиковъ, какъ уже было въ свое время говорено нами, лежитъ въ томъ, чтобы собрать по-возможности большее число цифровыхъ данныхъ, въ чемъ статистика и видитъ свое спасеніе, свой смыслъ. Конечно, безусловно не во власти статистики, собирающей отовсюду то множество различнаго рода числовыхъ данныхъ, узнать въ каждомъ отдельномъ случаѣ или даже хотя бы въ болѣе или менѣе значительномъ ихъ количествѣ о цѣли поступка, его мотивѣ или мотивахъ, равно какъ и обѣ элементѣ желанія известнаго лица при совершенніи его. Если-бы статистика захотѣла всюду подвергать своему изученію всѣ тѣ четыре фактора, то ей никогда не удалось-бы собрать болѣе или менѣе желательнаго количества цифровыхъ данныхъ. И такъ, статистика ограничивается обыкновено тѣмъ, что видитъ только фактъ, какъ нѣчто данное уже, а все остальное ее по необходимости не интересуетъ. Пояснимъ дѣло нѣсколько подходящимъ къ нему примѣромъ. Вхожу съ Обводнаго канала въ академическую ограду и въ правомъ углу послѣдней вижу какое-то странное сооруженіе. Я въ своемъ умѣ только констатирую фактъ существованія этого сооруженія; но причины, вызвавшія возникновеніе его, цѣли, преслѣдовавшіяся здѣсь строителями, и проч. для меня непонятны. Положимъ, я въ этомъ случаѣ могу навести справку у привратника, который скажетъ, что это—складъ для керосина, отнесенный сюда въ предупрежденіе могущаго произойти пожара и т.п. Но, если-бы у меня предъ глазами проходило множество подобныхъ фактовъ, наблюденій..., при-томъ, такихъ, относи-

тельно которыхъ я безусловно быль-бы лишенъ возможности навести гдѣ-либо соответствующія справки, помимо уже того обстоятельства, что для наведенія послѣднихъ не хватило-бы и имѣющагося въ моемъ распоряженіи времени,—то я, конечно, ограничилъ-бы однимъ только констатированіемъ ихъ. Дѣлать-же какіе-либо выводы, а особенно носящіе характеръ опредѣленный, положительный, я естественно воздержался-бы по неимѣнію необходимыхъ для этого данныхъ, подобно тому какъ, видя только одну сторону какого-либо предмета, но не видя трехъ остальныхъ, при томъ, самыхъ важныхъ, я безусловно не могъ-бы произнести какого-либо окончательнаго о немъ сужденія, а ограничилъ бы при всей своей смѣлости только какою-либо догадкою — не больше. Крайнѣ статистики, между тѣмъ, по рассматриваемому вопросу безумно смѣло заключаютъ отъ одной четверти къ цѣлому.—И такъ, статистика, въ виду отмѣченной ея особенности, не можетъ браться за рѣшеніе вопроса о свободѣ человѣческой воли: она слишкомъ одностороння для этого.

Затѣмъ, односторонность статистики проявляется и въ томъ еще обстоятельствѣ, что этой наукѣ приходится имѣть дѣло только съ тѣми явленіями человѣческой жизни, которыя сдѣлались извѣстными той или иной части общества. Но всякому извѣстно, что число такихъ явленій вообще ограничено. О многихъ изъ нихъ статистика безусловно ничего не знаетъ, да и узнать не можетъ, такъ какъ они происходятъ незамѣтно для окружающихъ и если иногда становятся общеизвѣстными, то лишь въ силу какихъ-либо только случайныхъ условій. Получается фундаментъ, слишкомъ не прочный для того, чтобы можно было строить на немъ какія-либо устойчивыя и громкія положенія и выводы. Возьмемъ, въ частности, напр., уголовную статистику. На чёмъ строить она свои заключенія? На тѣхъ явленіяхъ уголовнаго характера, которыя констатированы полиціей или которыя вообще какъ-либо дошли до свѣдѣнія существующихъ судебныхъ лицъ и судебныхъ учрежденій. Едва-ли найдется такой наивный человѣкъ, который хоть на минуту согласился бы, что такими явленіями, которыя бываютъ извѣстны уголовной статистикѣ, исчерпывается все (или почти все) дѣйствительное число подобнаго рода явленій, случающихся въ жизни! Сколько преступленій, при томъ, ужаснѣйшихъ, остаются скрытыми отъ болѣе или менѣе официального глаза и

ионогда обнаруживаются лишь по истечению долгаго времени и случайно?! Вообще количество достигающих официальной известности уголовных преступлений прямо пропорционально ловкости и искусству полицейских сыщиков и неумынью преступников склонить концы. Кто поручится за то, что не изменились бы выводы (безпристрастной) статистики, если бы для нее не существовало въ данномъ случаѣ препятствій узнавать всѣ случающіяся въ дѣйствительности уголовныя преступленія? Быть можетъ, тѣ изъ послѣднихъ, которыхъ не доходятъ до свѣдѣнія полиціи, иногда и наиболѣе характерны въ томъ или иномъ смыслѣ...

Далѣе, статистикою игнорируются или въ лучшемъ случаѣ недостаточно отг҃няются нѣкоторыя важныя, между тѣмъ, обстоятельства.

Такъ, самими-же статистиками указывается, что „цифры уголовной статистики въ различныхъ странахъ различны, напр., если сравнить Англію и Турцію“ ¹⁾. Далѣе и слѣдовало-бы, конечно, заняться разсмотрѣніемъ вопроса: гдѣ лежитъ причина этого различія? Почему, напр., въ Персіи ежегодно совершается такое-то и такое-то число преступлений известного сорта, а въ Россіи—процентное количество послѣднихъ за одинаковый же періодъ времени—иное? Разсмотрѣвъ всѣ такого рода причины, статистики должны были-бы обсудить и то, отъ чего они зависятъ и о чёмъ говорить? Вся „суть“ здѣсь лежитъ, конечно, въ условіяхъ, какими обставлена и среди какихъ течетъ жизнь персовъ и русскихъ. Пусть измѣняются условія жизни въ данныхъ странахъ, въ нихъ неизбѣжно измѣнится и процентное количество известныхъ преступлений, что дѣйствительностью и оправдывается. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ лишь заглянуть въ многовѣковую исторію Персіи и Россіи. Напр., въ старину считавшіяся у насть—на Руси—рѣдкими явленіями преступленія противъ святости брака, противъ чужой собственности и проч., съ теченіемъ времени, въ непосредственной связи съ измѣненіемъ условій жизни нашего народа, сдѣлались, къ сожалѣнію, довольно обычными, во всякомъ случаѣ не рѣдкими. А кто измѣняетъ эти условія? Сами-же люди. Сами-же они, слѣдовательно, въ концѣ концовъ заставляютъ измѣняться и соответствующія цифровыя данные. Сами люди являются виновниками такихъ измѣненій,

¹⁾ Kirchner; S. 69.

хотя поводы для нихъ въ данномъ случаѣ могутъ быть весьма различны: это—условія не только „политическая, финансовая“ и др., но и „физическая“... 1) Напр., наша отечественная статистика отмѣчаетъ, что въ теченіи зимы (такъ называемаго „рождественского мясъда“) 1892 года въ нѣкоторыхъ губерніяхъ было совершено браковъ (въ крестьянской средѣ) въ значительной степени меньшее количество, чѣмъ въ другіе (непосредственно) предъ этимъ и послѣ него годы. Причина явленія лежитъ, конечно, въ страшномъ неурожаѣ хлѣба лѣтомъ 1891 года. Крестьянину—не до свадьбы, когда приходится всѣ свои заботы сосредоточивать на томъ, чтобы какъ-либо удовлетворить болѣе настоятельныя потребности,—чтобы отыскать кусокъ хлѣба. Это всякому известно. Но что-же отсюда слѣдуетъ? Многіе крестьяне не пожѣлись потому-ли, что встрѣтили противодѣйствіе со стороны естественной—неотвратимой необходимости, или потому, что сообразили всю невыгодность, все неудобство заключенія браковъ при наличныхъ условіяхъ и добровольно отложили это дѣло до болѣе благопріятнаго времени? Всякій скажетъ, что слѣдуетъ остановиться на послѣднаго рода причинѣ.—Или: измѣнившіяся политическая обстоятельства Европы въ послѣдніе годы сильно повысили цифровыя данныя, касающіяся количества лицъ, призываемыхъ къ исполненію воинской повинности. Но что-же отсюда слѣдуетъ? Самыя политическія обстоятельства измѣнились не по желанію- ли самихъ людей? Въ данномъ случаѣ не въ силу-ли свободныхъ желаній нѣсколькихъ отдельныхъ лицъ, стремившихся къ укрѣпленію гегемоніи Германіи въ Европѣ и проч?

Статистики крайняго направленія не хотятъ видѣть или, по крайней мѣрѣ, не хотятъ придавать надлежащаго значенія тому обстоятельству, что „число“ данныхъ „одной и той же категоріи колеблется въ одномъ и томъ же году до такой степени, что совсѣмъ не можетъ быть и рѣчи о возбуждающей ужасъ правильности или объ исполненомъ таинственности естественному закону“²⁾), о чѣмъ такъ любятъ въ данномъ случаѣ кричать эти quasi—ученые изыскатели. Напр., известны точные итоги количества преступниковъ, приговоренныхъ французскими законами къ известнымъ наказа-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

нямъ въ пятидесятилѣтній періодъ времени. При этомъ наивысшимъ числомъ оказалось 8704, а наименьшимъ — 4154. Разница между числами, какъ отсюда видно, огромная. Конечно, иной могъ бы возразить, что въ теченіи пятидесяти лѣтъ населеніе Франціи могло возрасти вдвое, что отсюда вдвое же должно было возрасти и количество преступниковъ, поставляемыхъ Франціею же. Но возраженіе такое въ данномъ случаѣ неумѣстно, такъ какъ числовая линія шла за все рассматриваемое время не всегда правильно, не утолщалась со строгою постепенностью, но дѣлалась иногда тощѣе, иногда толще и наоборотъ, повидимому, неожиданно и, во всякомъ случаѣ, безъ особой регулярности. При этомъ разница между двумя смежными годами „иногда“ опредѣлялась числами, доходившими до тысячи, каковое обстоятельство весьма многозначительно ¹⁾. — Или: указываются на Корсику, гдѣ, при существованіи болѣе слабыхъ законовъ, налагавшихъ сравнительно мягкія наказанія за убийцъ, число убийствъ было значительно: напр., въ 1849 г. оно было равно 236—и; въ 1860 же году это число „уменьшилось“ сразу на 88 случаевъ, слѣдовательно, болѣе, чѣмъ на третью (что очень значительно!), и просто потому именно, что въ теченіи послѣдняго года впервые были примѣнены болѣе строгія наказанія за убийство, сразу отбившія охоту у любителей этого рода преступленій... ²⁾ Даныя, касающіяся числа самоубийствъ, колеблются не въ меньшей степени. Въ теченіи шести, слѣдовавшихъ непосредственно другъ за другомъ, лѣтъ число самоубийствъ въ Данії колебалось, начиная отъ 340 и доходя до 426, и слѣдовало въ такомъ, въ частности, порядкѣ: 340, 401, 426, 363, 393 и 426 ³⁾). Эта разница здѣсь тѣмъ болѣе имѣть значеніе, что шестилѣтній промежутокъ времени — слишкомъ тѣсный, такъ что условія жизни датчанъ, количество народонаселенія Даніи и проч. измѣниться существенно не могли, въ общемъ оставаясь одинаковыми. Причина разницы лежитъ, очевидно, въ человѣческой свободѣ. — Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ колебаніе цифровыхъ датъ, повидимому, весьма ничтожно, оно нерѣдко оказывается чувствительнымъ при болѣе близкомъ проникновеніи въ дѣло. „Въ Англіи и Уэльсѣ“, гово-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

рать, количество преступлений будто-бы вообще постоянно и если колеблется, то лишь въ совсѣмъ незамѣтной степени, которой по этой причинѣ и принимать въ расчетъ будто-бы не слѣдуетъ. Въ частности, это число: отъ 19 до 21 случая на одну тысячу жителей. Но здѣсь нельзя не отмѣтить изумительной (не близорукости, конечно, а) хитрости и коварства адептовъ статистики, берущихъ намѣренno (не иначе) тысячу—не больше, чтобы закрыть глаза простодушной публикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если вмѣсто тысячи взять миллионъ, то число преступлений будетъ варіировать уже между 19000 и 21000¹⁾. Получается уже немаловажное различіе! Если же увеличимъ миллионъ въ пять разъ, чтобы приблизительно получить число жителей, напр., Лондона, то цифра преступлений рассматриваемаго рода будетъ колебаться между 95000 и 105000. Разница становится болѣе ощутительною и т. д. Словомъ, уловка статистики въ настоящемъ случаѣ похожа на то, какъ еслибы кто-либо вздумалъ доказывать безвредность того или другого яда, ссылаясь на данные, свидѣтельствующія, что въ извѣстной (весыма незначительной) дозѣ онъ бываетъ иногда даже полезенъ (напр., мышьякъ для малокровныхъ и т. п.).

Что же касается тѣхъ случаевъ, приведенныхъ въ началѣ настоящей статьи, гдѣ вышеотмѣченное колебаніе, повидимому, не всегда умѣстно, то для объясненія ихъ, помимо сказанного уже нами въ цѣляхъ истиннаго освѣщенія данныхъ статистики, должно принять во вниманіе также и слѣдующее соображеніе. И обладая свободною волею, человѣкъ естественно „избираетъ болѣе легкое, болѣе пріятное, лучшее или, однако, что кажется ему таковымъ“. Противъ этого положенія спорить, конечно, нельзѣ возможности. А „такъ какъ для извѣстныхъ классовъ населенія болѣе легкое, болѣе пріятное, лучшее приблизительно постоянно, то и свободный выборъ измѣняется въ незначительной степени“. Отсюда и получается разгадка, почему статистическая данные, касающіяся человѣческаго поступанія, иногда взаимно совпадаютъ въ отношеніи къ ихъ количеству. „Отдельный человѣкъ, конечно, можетъ разнообразно измѣнять свои решенія, несмотря“ на вышеотмѣченные моменты, „и фактически не всегда остается равнымъ себѣ въ своемъ поведеніи; при ста-

¹⁾ Ibidem.

тистическомъ трактованіи его свободныхъ поступковъ, поэтому, могутъ встрѣчаться отдельные отклоненія отъ законообразности". Все это—несомнѣнно и понятно въ силу того именно, что человѣку присуща свободная воля. „Но, такъ какъ статистикою получаются постоянныя числа только вслѣдствіе того, что ею берется за основаніе очень большое населеніе и въ теченіи очень длиннаго промежутка времени, то ясно, что уклоненія отъ нормы" такимъ путемъ „выравниваются; въ этомъ именно и лежитъ значеніе большихъ чи- селъ. Этого выравниванія тѣмъ болѣе должно ожидать, чѣмъ большее число свободныхъ рѣшеній будутъ имѣть у себя въ виду", при разсмотриваніи признанныхъ судебными инстанціями преступленій за таковыя. „Нерегулярность" коренится „именно не столь сильно въ различномъ трактованіи преступка судомъ,—потому что здѣсь дѣло совершается по опредѣленнымъ нормамъ,—сколько (и главнымъ образомъ) въ разнообразіи свободныхъ рѣшеній"… Въ виду всего сказанного становится вполнѣ понятнымъ, что „постоянство" нѣкоторыхъ числовыхъ данныхъ, указанныхъ нами въ началѣ настоящей статьи, напр., отмѣченныхъ судьями „преступленій" и проч., безъ труда „уживается со свободою" человѣческихъ поступковъ, напр., „со свободою преступленій" и т. д. ¹⁾)

Игнорируя или не желая правильно всмотрѣться въ вышеотмѣченныя обстоятельства, статистики (по крайней мѣрѣ, наиболѣе ретивые изъ нихъ) продолжаютъ идти по этому пути и далѣе.—Такъ, всякому, конечно, известно, что въ рѣшеніи вопроса: что должно считать преступлениемъ въ каждомъ отдельномъ случаѣ? многіе изъ народовъ сплошь и рядомъ разногласяютъ между собою: напр., многоженство, считающееся у христіанскихъ народовъ преступнымъ явленіемъ, у магометанъ считается нормальнымъ,—мѣсть, порицаемая моралью первыхъ, у большинства дикихъ народовъ окружается ореоломъ великой добродѣтели и пр. Статистика, желающая видѣть предъ собою только факты, разсмотривающая ихъ съ точки зрѣнія взглядовъ обыкновенно того только народа, къ какому принадлежитъ данный ея адептъ, и рѣдко въ этомъ отношеніи разширяющая свой кругозоръ, естественно можетъ впадать и дѣйствительно впадаетъ въ

¹⁾ Gutberlet; ibid; S. 251—252.

большія ошибки. Иное-же отношение ея къ данной сторонѣ дѣла повело бы иныя за собою и послѣдствія, несомнѣнно повліявшия бы на предлагаемыя ею цифровыя данныя.

Игнорируя одни вопросы, по другимъ статистика нерѣдко высказываетъ весьма ошибочные взгляды. Таковъ, напр., ея взглядъ на вліяніе, оказываемое на человѣка такъ называемою культурою. По мнѣнію статистики, роль культуры будто-бы сводится къ постепенному ухудшенію человѣка, что будто-бы доказывается развитіемъ пороковъ, идущимъ прямо пропорціонально культурному росту человѣчества. То—правда, конечно, что параллельно съ этимъ ростомъ дѣйствительно заявляютъ о себѣ болѣе тонкія формы разврата [хотя въ этомъ отношеніи съ нашими современниками могутъ поспорить, напр., древніе римляне (обрат. вниман. на помпейскія раскопки) и друг.], всякаго рода фальши и проч.; то—правда, конечно, что культура несетъ съ собою и за собою усложненіе различныхъ условій человѣческой жизни, умножаетъ наслажденія и средства къ достижению ихъ, способствуетъ усиленію желаній, страстей, всякаго рода искушеній, созданію новыхъ—соблазнительныхъ представлений и пр., чего у некультурныхъ народовъ встрѣтить въ такомъ видѣ и объемѣ безусловно нельзя; то—правда, что культурою вообще предлагается весьма и весьма много новыхъ поводовъ и склонностей не только къ добру, но и къ злу и проч. и проч. Но нельзя опускать изъ вида тѣго обстоятельства, что это—только одна сторона дѣла. Другая сторона показываетъ идущее параллельно культурному прогрессу сокращеніе грубѣйшихъ пороковъ и преступлений, каковы: грабительства, убийства, насилиственное обезображеніе женщинъ и т. д. Кромѣ того, если кого культура не задѣла только, если кто является дѣйствительно человѣкомъ культурнымъ въ истинномъ смыслѣ слова, то такой, какъ мы постоянно видимъ, твердо и съ успѣхомъ борется съ различного рода обольщеніями, предлагаемыми наружною стороною культуры, и ставить себя надъ ними, а не подъ. Не говоримъ уже о томъ, что въ настоящемъ случаѣ „многочисленные нравственные поступки остаются въ счиленіи“, это—тѣ, „которые ускользаютъ отъ глаза статистика и людей вообще“ ¹⁾.

¹⁾ Kirchner: S. 70—71.

Правильно поставленная статистика, чуждая вышеотмеченныхъ и подобныхъ имъ недостатковъ, не можетъ говорить и не говорить ничего противъ свободы человѣческой воли.

Такъ, если, съ точки зрења статистики, въ духовномъ мрѣ человѣка не имѣютъ мѣста никакія случайности, то это, по мнѣнію здравыхъ ея представителей, означаетъ не то, что теченіе духовной человѣческой жизни подчинено естественной необходимости, а лишь только то, что въ основѣ проявленій нашей воли непремѣнно лежать какія-либо внутреннія или внѣшнія побужденія, мотивы. Мысль — сама по себѣ безусловно вѣрная и противъ человѣческой свободы не говорящая ничего! Здравая статистика говоритъ только то, что всякий поступокъ человѣка прямо или косвенно, въ значительной степени или въ едва уловимой отражается на благосостояніи другихъ, а чрезъ то и—всего извѣстнаго государства или общества,—а также—что и послѣднєе впіяющімъ образомъ дѣйствуетъ такъ или иначе въ отношеніи къ каждому ея члену,—что государству, усердно заботящемуся о Церкви, усердно насаждающему школы и образованіе, усердно стремящемуся къ нравственному и др. усовершенствованію его членовъ, обратно пропорціонально приходится заботиться объ устройствѣ тюремныхъ и иныхъ въ этомъ родѣ учрежденій..., такъ что въ нѣкоторомъ родѣ справедливо мнѣніе, что „преступники — собственное государства преступленіе“,—слѣдовательно, и наоборотъ: добродѣтельные люди—добродѣтель, принадлежащая самому государству. Но пазъ такого положенія дѣла здравый статистикъ не сдѣлаетъ вывода, сколько-нибудь говорящаго противъ свободы человѣческой воли. Если государство вышеуказаннымъ образомъ вліяетъ на своихъ членовъ, то это не значитъ, съ точки зрења здравой статистики, что ответственность за дѣйствія членовъ падаетъ только на государство, разматриваемое въ видѣ цѣлаго. Эта ответственность, напротивъ, лежитъ и на каждомъ отдельномъ человѣкѣ, поскольку онъ совершаетъ данный поступокъ не подъ воздействиемъ со стороны внѣшнаго давленія, а подъ воздействиемъ со стороны его личнаго увлеченія представляющимся ему въ каждомъ отдельномъ случаѣ соблазномъ, такъ что, въ виду этого, хотя „каждый преступникъ“, по словамъ Эттингена, „въ нѣкоторомъ смыслѣ всегда—органъ общества и выраженіе беззаконности послѣд-

ниго, но, тѣмъ не менѣе, какъ существо лично-свободное, прежде всего рассматривается въ качествѣ самостоятельного создателя своего я... Словомъ, подобный взглядъ на дѣло, раздѣляемый болѣе умѣренными и разсудительными статистиками, слѣдуетъ назвать резоннымъ и ничего не говорящимъ противъ бытія въ человѣкѣ свободы¹⁾.

Если пойдемъ далѣе, то увидимъ, что здравая статистика не только ничего не говоритъ противъ человѣческой свободы воли, какъ факта безспорного, но, напротивъ, прямо признаетъ послѣднюю за таковой фактъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только разумно воспользоваться добываемыми статистикою данными.

Статистика говоритъ (см. выше: въ началѣ статьи), что въ Бельгіи изъ 10000 мужчинъ 25—30 лѣтъ отъ роду вступаютъ въ бракъ 884 человѣка, тогда какъ изъ такого же количества мужчинъ въ возрастѣ 30—35 лѣтъ женятся 990 человѣкъ. Объясняя все дѣло вліяніемъ естественной необходимости, и въ данномъ случаѣ ближайшую причину, поясняющую различіе указанныхъ цифровыхъ данныхъ, Кетлэ видѣть въ томъ, что будто-бы въ возрастѣ 30—35 лѣтъ половое влечение въ человѣкѣ оказывается гораздо сильнѣе, чѣмъ въ возрастѣ 25—30 лѣтъ и что, въ силу этого, лица послѣднаго рода не столь сильно стремятся ко вступленію въ бракъ, какъ первыя. Противники Кетлэ и его приверженцевъ, однако, справедливѣе смотрѣть на дѣло. Прежде всего, говорятъ они, дѣлѣмъ рядомъ опытныхъ наблюдений доказано, что половое влечение болѣе сильно въ человѣкѣ 25—30 лѣтъ отъ роду, нежели въ имѣющемъ 30—35-ти лѣтній возрастѣ, когда порывы человѣка уже значительно уравновѣшиваются. Причина-же данного процентнаго различія, говорятъ они, совсѣмъ иная. Дѣло въ томъ, что при нынѣшихъ условіяхъ жизни молодые люди нерѣдко еще учатся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ дольше, чѣмъ до 25-ти лѣтъ отъ роду. Впрочемъ, это обстоятельство распространяется не на всѣхъ и отмѣчено нами не въ смыслѣ окончательно поясняющаго дѣло момента. Таковыимъ моментомъ

¹⁾ Carriere: «Die sittliche Weltordnung» (Leipz. 1877; S. 214).—Oettingen: „Die Moralstatistik. Induktiver Nachweis der Gesetzmässigkeit sittlicher Lebensbewegung im Organismus der Menschheit“ (1868). — См. у Kirchner'a: ibid. S. 71.

будеть то, что вообще молодые люди обыкновенно пріобрѣтаютъ болѣе или менѣе прочное (въ смыслѣ материальнаго ихъ обеспеченія) положеніе, позволяющее имъ содержать не только себя, но и семью, не раньше 30-ти лѣтъ отъ роду. Отсюда и вступленіе въ бракъ ими чаше откладывается до болѣе поздняго вообще времени, напр., до возраста въ 30—35 лѣтъ, не смотря на сильныя физіологическія къ нему побужденія. Такимъ образомъ, это послѣднєе обстоятельство прямо говорить о бытіи въ человѣкѣ свободной воли, въ силу которой человѣкъ, признавъ извѣстное время наиболѣе подходящимъ для вступленія въ бракъ, согласно съ этимъ и поступаетъ, наперекоръ естественной необходимости.—Итакъ, изъ даннаго разсмотрѣнія указанныхъ статистическихъ цифровыхъ датъ явствуютъ факторы: разумъ и свободная воля, свободная рѣшимость, но не другое что-либо.—Столь-же мало говорять или точнѣе—николько не говорятъ въ пользу выводовъ Кетле и К° и данныя, приводимыя ими по вопросу о болѣшой (въ 5 разъ) склонности природы мужчинъ къ различнаго рода преступленіямъ, чѣмъ природы женщинъ. Здѣсь дѣло—не въ природѣ, не въ томъ, что мужская природа гораздо сильнѣе, чѣмъ женская, толкаетъ человѣка къ преступленіямъ, а просто—въ томъ, что женщина, гораздо больше, чѣмъ мужчина, оставаясь дома, гораздо меньше встрѣчаетъ и поводовъ, и соблазновъ, и средство къ совершенію извѣстныхъ преступлений, чѣмъ мужчина, почти постоянно дѣйствующій за предѣлами своего жилища, какъ принужденный бороться со всякими невзгодами въ дѣлѣ пріобрѣтенія насущнаго куска хлѣба и естественно постоянно наталкивающійся на такого рода соблазны и проч.—Такія-же, лишенныя психологической состоятельности, близорукія и пассивныя до смѣшного даты приводятся Кетле и его сторонниками относительно склонности извѣстнаго рода лицъ къ сочиненію стиховъ, къ совершенію опредѣленныхъ преступлений и т. д. Всѣ эти и подобные имъ примѣры, при ближайшемъ, не поверхностномъ ихъ разсмотрѣніи, опять-таки приводятъ къ тѣмъ-же факторамъ, какіе указаны выше: къ разуму и свободной рѣшимости человѣка, а не къ естественному принужденію, не къ физической необходимости ¹⁾.

¹⁾ Kirchner, S. 70.

За свободу-же человѣческой воли высказывается статистика и другимъ манеромъ. Какъ свидѣтельствуютъ всѣ числовыя данныя статистики, послѣдняя не есть наука точная въ безотносительномъ смыслѣ слова. Всѣ ея даты всегда приблизительны, указываютъ лишь среднее число—не больше: Она „можетъ только доказать, что при однихъ и тѣхъ-же виѣшнихъ обстоятельствахъ приблизительно (!!) одинаковое число представителей одной и той же генераціи будетъ приступать къ одному и тому-же поступку“. Выводъ—настолько не блестящій, настолько мало дающій, что изъ-за него не стоило, какъ говорится, и „огородъ городить“. Констатированіе „такой простой истины“—возможно безъ труда и по-мимо статистики. Послѣдняя, еслибъ хотѣла на дѣлѣ оправдать справедливость своихъ притязаній, „должна была бы доказать (чего доказать она, однако, не въ состояніи), что именно *такие-то и такие-то* люди должны были-бы совершить этотъ поступокъ“. Не имѣя-же возможности доказать этого, она не имѣть права и высказываться противъ бытія въ человѣкѣ свободной воли. Впрочемъ, она, сама того не замѣчая, скорѣѣ высказывается за послѣднюю. Дѣло въ томъ, что предлагаемыми статистикою цифровыми данными весьма краснорѣчиво свидѣтельствуется, что число преступленій уменьшается прямо пропорціонально развитію образованности, высотѣ уваженія къ религії, процвѣтанію высокихъ и чистыхъ нравственныхъ принциповъ и т. д. Отсюда слѣдуетъ выводъ: въ виду того, что указанныя условія уменьшения числа преступленій находятся, въ свою очередь, въ прямой зависимости отъ „этической саморѣшимости, послѣдняя опредѣляетъ число преступленій по менѣшей мѣрѣ столько-же, сколько и виѣшнія обстоятельства. Статистика, спѣдовательно, ясно доказываетъ вліяніе этическихъ импульсовъ на народное благосостояніе“¹⁾.

„Поэтому статистика прямо выступаетъ въ качествѣ свидѣтеля въ пользу свободы воли. Такъ какъ однимъ изъ сильнѣйшихъ этическихъ факторовъ является духъ времени, т. е., общественное мнѣніе, то ни въ какомъ случаѣ не будетъ безразлично, за иллюзію, или нѣть считается въ пародѣ свободы воли“... Если свобода воли — только иллюзія,

¹⁾ Ibidem, S. 71—72.

если природныя влечениея, стремления, порывы... съ неумолимою необходимостью ведутъ человѣка въ ту или иную сторону, не подчиняясь его желанію или нежеланію, тогда дѣло ясно: разъ человѣкъ не въ силахъ стать въ зависимости, въ безаппеляціонной власти тѣхъ порывовъ, стремлений.., слѣдовательно, нечего ему и бороться съ ними, нечего и вести совершенно безцѣльную борьбу,— напротивъ, гораздо лучше плыть по теченію, тѣмъ болѣе, что результатъ будетъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ-же, но въ первомъ случаѣ, кромѣ того, приводить еще трудности и непріятности борьбы и проч. А каковъ быль-бы плодъ такого образа мыслей, ясно: за общественное благосостояніе поручиться было бы невозможно. Все это въ извѣстной мѣрѣ подтверждается слѣдствіями сказывавшагося въ теченіи нѣкоторой части истекающаго вѣка вліянія такъ называемаго „матеріалистически-механическаго міросозерцанія, къ счастію“ для всѣхъ, все болѣе и болѣе теряющаго подъ собою почву ¹⁾...

Итакъ, къ чему-же привело насъ ознакомленіе со статистикою и ея данными? Мы увидѣли, что 1) статистика еще настолько молода, что не можетъ браться за рѣшеніе вопросовъ въ родѣ даннаго (т. е., о свободѣ человѣческой воли): пока собирая только свой матеріалъ, она еще ждетъ появления того „гениальнаго ума“, который смогъ-бы „однимъ взглядомъ обнять массу фактовъ“, ю добытыхъ и добываемыхъ, и такимъ путемъ освѣтить тѣ или иные (напр., и разсматриваемый) вопросы. 2) Во многихъ отношеніяхъ статистика является одностороннею, вслѣдствіе чего и ея положенія, именно стоящія въ связи съ этимъ ея существеннымъ недостаткомъ, оказываются въ той или иной степени ошибочными. 3) Статистикою безъ достаточныхъ или даже безъ всякихъ основаній многіе моменты или игнорируются, или оттѣняются въ неполной степени, или лишаются надлежащаго ихъ значенія, вслѣдствіе чего ю должно понимаются и должно освѣщаются различныя, трактуемыя ю, данные, а чрезъ то ложно-же решаются и тѣ или иные вопросы и проч. 4) Статистикою проповѣдуется ложный взглядъ на культуру, на ея значеніе для нравственной жизни человѣка. 5) Правильно поставленная статистика не могла-бы ничего гово-

¹⁾ Ibidem; S. 72.

рить противъ свободы человѣческой воли, какъ неоспоримаго факта. 6) Послѣдняго рода статистика даже прямо высказывалась-бы сама въ пользу признанія такой свободы, какъ безспорной истины, и проч.

Оружіе, поднимаемое ложью противъ птицы, обращается на голову выступающихъ съ нимъ!

А. Бронзовъ.

1897 г., 9-го Января.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки